

«ОН СОЗДАЛ ЕДИНУЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ШКОЛУ»

Алпатов В. М.

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
SPIN-код: 9467-8033

Никитин О. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>
SPIN-код: 7396-4230

А н н о т а ц и я . С учетом введения в исследование новых архивных данных статья восстанавливает и анализирует историю Московской лингвистической школы послефортунатовского периода, которую мы связываем с именем Д. Н. Ушакова. В 1920-х – начале 1940-х гг. он был ключевой фигурой в перестройке языковедческого образования в стране и последовательно отстаивал лингвистические традиции, заложенные Ф. Ф. Фортунатовым. Рассказывается о научных кружках, в недрах которых взрастало поколение «ушаковских мальчиков». Отмечается противоречивость взглядов и оценок тенденций 1920-х гг., свидетельствовавших о поиске новых направлений в изучении языка. Подчеркивается, с одной стороны, традиционализм Д. Н. Ушакова как воспитанника Ф. Ф. Фортунатова и, с другой – гибкость ученого к проникновению свежих гипотез, нацеленность на практическую реализацию актуальных проблем того времени: системное описание диалектов, установление норм литературной речи, работа над теорией и практикой составления словарей и др. Особое внимание уделяется ядру Школы Д. Н. Ушакова – его ученикам, развившим впоследствии многие экспериментальные идеи синхронического языкознания. Обсуждаются интересные факты из бесед В. Д. Дувакина с А. А. Реформатским, в которых от первого лица «ушаковского мальчика» проводится рецепция событий в лингвистической жизни Москвы 1920-1930-х гг. Впервые публикуются и комментируются материалы об избрании Д. Н. Ушакова в АН СССР в 1939 г., вскрываются причины отклонения его кандидатуры на звание академика. Помещены фотокопии уникальных документов из архивных источников и личной коллекции автора статьи. Они показывают Д. Н. Ушакова и его окружение в культурно-исторической обстановке и дополняют текст новыми фактологическими данными. Делается вывод о самобытности и цельности идей Д. Н. Ушакова, их нацеленности на будущее. Даже в самые сложные периоды истории, связанные с марризмом, ученый не отступал от традиции Московской лингвистической школы. Утверждается, что именно благодаря его подвижнической деятельности, личным качествам организатора науки и просветителя был сохранен стержень этой Школы в советский период.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Д. Н. Ушаков; история языкознания; Московская лингвистическая школа; компаративистика; языковое строительство; синхроническая лингвистика; лексикография; «ушаковские мальчики»; академическая деятельность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Алпатов, В. М. «Он создал единую лингвистическую школу» / В. М. Алпатов, О. В. Никитин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 18–45. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-18-45.

“HE CREATED A SOLID SCHOOL OF LINGUISTIC THOUGHT”

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract. Taking into account the introduction of new archival data into the study, the article restores and analyzes the history of the Moscow Linguistic School of the post-Fortunatovs' period, which we associate with the name of D. N. Ushakov. In the 1920s and early 1940s he was a key figure in the restructuring of linguistic education in the country and consistently defended the linguistic traditions laid down by F. F. Fortunatov. The article talks about scientific circles, in the depths of which the generation of “Ushakov sons” grew up. The contradictory views and assessments of the trends of the 1920s which indicated the search for new directions in language learning are noted. It is emphasized, on the one hand, the traditionalism of D. N. Ushakov as F. F. Fortunatov's successor and, on the other, the flexibility of the scientist to penetrate fresh hypotheses, the focus on the practical implementation of topical problems of that time: a systematic description of dialects, the establishment of norms of literary speech, work on the theory and practice of compiling dictionaries, etc. Special attention is paid to the core of the D. N. Ushakov's School – to his students, who later developed many experimental ideas of synchronic linguistics. Interesting facts are discussed from the conversations of V. D. Duvakin with A. A. Reformatsky, in which the reception of events in the linguistic life of Moscow in the 1920s and 1930s is conducted from the closest person of the “Ushakov's son”. For the first time materials on the election of D. N. Ushakov to the USSR Academy of Sciences in 1939 are published and commented on, the reasons for the rejection of his candidacy for the title of academician are revealed. Photocopies of unique documents from archival sources and the personal collection of the author of the article are placed. They show D. N. Ushakov and his entourage in a cultural and historical setting and supplement text with new factual data. The conclusion is made about the originality and integrity of D. N. Ushakov's ideas, their focus on the future. Even during the most difficult periods of history associated with Marrism the scientist did not deviate from the tradition of the Moscow Linguistic School. It is claimed that due to his ascetic activity, personal qualities of an organizer of science and an educator the core of this School was preserved during the Soviet period.

Keywords: D. N. Ushakov; history of Linguistics; Moscow Linguistic School; comparative studies; language construction; synchronic linguistics; lexicography; “Ushakov son”; academic activity

For citation: Alpatov, V. M., Nikitin, O. V. (2023). “He Created a Solid School of Linguistic Thought”. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 18–45. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-18-45.

Он был современный и передовой ученый. Ведь есть такие скептики, даже из числа людей, которые к нему хорошо относились, которые это отрицают. Смею утверждать, что они ошибаются. Мне кажется, что именно непохожесть Дмитрия Николаевича на канонических ученых XIX века прежде всего показывает, что это был ученый XX века, который был близок к следующему, более молодому поколению...

А. А. Реформатский [1998: 35]

Введение: Фортунатовская школа на рубеже XIX–XX столетий: от старого к новому

Вторая половина XIX века в русском языкознании стала средоточием ярких имен, представлявших собой новую культурную традицию в науке. И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потемня прорвали брешь в собственно лингвистическом изучении языка, разработали принципиально другую методику его изучения (особенно сильна здесь роль Ф. И. Буслаева). Но говорить о научном направлении в языкознании применительно к Московской школе мы можем только с середины 1870-х гг.,

когда за кафедрой столичного университета встал молодой ученик Ф. И. Буслаева Ф. Ф. Фортунатов. «Он не был основоположником московского научного языкознания, [...] но Московскую школу, как единодушно признано, создал именно Фортунатов с самого начала своего преподавания в 1876 году» [Алпатов 2020: 8]. Наверное, с его времени в отечественной науке стали четко разделять *филологию* и *языкознание* [Фортунатов 1956: 26-27; Алпатов 2020: 8], а значит, формировать новый взгляд на *систему* лингвистических инструментов, с помощью которых можно строить эту науку. Ф. Ф. Фортунатов выделялся среди своих современников и тем, что не только отлично знал европейскую и русскую компаративистскую традицию, но и видел потребность в типологическом и синхронном изучении языка, что впоследствии и стало в центре многих исследований XX в.

Не имея намерения здесь подробно анализировать достижения Ф. Ф. Фортунатова, скажем, что для развития школы важно, как интерпретировали ее идеи те, кто через поколение учился в Московском университете и представлял уже другую

лингвистическую эпоху. Оказывается, его мысли были созвучны и новому времени. Так, например, Р. О. Якобсон отмечал актуальные для него суждения Ф. Ф. Fortunatova о «человеческом языке вообще»: «Московская лингвистическая школа, верная заветам своего основоположника Филиппа Федоровича Fortunatova, была и остается призвана осознать, обосновать и развить его учение о том, что язык – не

одна лишь “внешняя оболочка по отношению к явлениям мысли” и не только “средство для выражения готовых мыслей”, а прежде всего “орудие для мышления”, то есть, как отважно уточняет Ф. Ф. Ф., “явления языка по известной стороне сами принадлежат к явлениям мысли”, и сам язык, “когда мы говорим, выражая наши мысли, существует потому, что он существует в нашем мышлении”» [Якобсон 1985: 7].

**Ф. Ф. Fortunatov в Косалме. 1900-е гг.
Архив РАН. Ф. 1793. Оп. 1. № 23. Л. 8**

Изменившаяся социокультурная и идеологическая ситуация серьезным образом повлияла и на развитие языкознания, которое до этого времени в значительной мере находилось под влиянием идей Fortunatova – Шахматова. И. А. Бодуэн де Куртене, третий столп науки рубежа XIX–XX вв., стоял особняком. Будучи выходцем из Польши и учеником И. И. Срезневского, он создавал новую науку и свою школу, отличную от традиционной лингвистики и устремленную своими идеями на Запад (фонология, социология языка, семиология). Д. Н. Ушаков в этом отношении был более консервативен, но восприимчив к веяниям эпохи лингвистических открытий.

Начало XX в. ознаменовалось не только общественными потрясениями (Русско-японская война, революция 1905 г., а затем Первая мировая война), оказавшими влияние и на лингвистику (вспомним книгу С. И. Карцевского «Язык, война и революция»¹, в которой автор в качестве точки

¹ Примечательно, что здесь же, во «Вступлении», автор замечал, что «Московская диалектологическая комиссия также собирает материалы о языковых новшествах последнего времени» [Карцевский 1923: 4]. Этот факт говорит между прочим и о том, что рамки Fortunatovskoy школы уже не укладывались только в изучение проблем индоевропеистики, возникло новое течение, изучавшее синхронные процессы языка и речи.

отсчета языковых изменений берет время «около 1905 года» [Карцевский 1923: 3] и посвящает этому периоду целый раздел), но и рождением новых сообществ, экспериментов, а с ними и научных школ. Они продолжили дело Ф. Ф. Фортунатова в более актуальном для лингвистики начала века ключе.

Первым был Московский кружок для изучения русского языка, основанный в 1901 г. Д. Н. Ушаков на юбилейном заседании 1929 г., посвященном 25-летию организации Московской диалектологической комиссии, так вспоминал этот период: «Когда эти лица (А. Д. Григорьев, Н. Н. Дурново, И. М. Тарабрин, Д. Н. Ушаков. – В. А., О. Н.) кончали университетский курс, в Москве было много разных научных кружков, но еще не было кружка по языку. Основанный ими кружок, первое заседание которого состоялось в сентябре 1901 г. в квартире Григорьева, был **первым лингвистическим обществом** (здесь и далее выделения курсивом и полужирным шрифтом наши. – В. А., О. Н.). Все они вскоре потянулись к Шахматову, который тогда был уже академиком. Дурново сообщил Шахматову о возникшем кружке, после чего академик писал членам кружка, что он очень заинтересован их работой, и добавил: “Надеюсь, вы приняли бы меня”. Бывая в Москве, Шахматов бывал в заседаниях кружка; позже в одном из заседаний Комиссии, когда по случаю выхода в свет 1-го выпуска Трудов, читался очерк возникновения кружка и Комиссии и список членов кружка, присутствовавший здесь Шахматов сказал: “И я тоже был членом кружка”. Он постоянно интересовался жизнью кружка и возникшей из него Комиссии...» [Никитин 2002: 93].

Показательно, что с самого начала Московский кружок обратил внимание высокой академической общественности, видевшей в нем, очевидно, свежее дыхание лингвистической мысли. Новые публикации подтверждают это предположение¹. Основными направлениями его дея-

тельности стали диалектология, история русского языка. А. А. Шахматов выступил инициатором подготовки диалектологической карты русского языка.

Так постепенно творческое объединение лингвистов перерастало в серьезную организацию, в которой деятельное участие принимал Д. Н. Ушаков². В начальном статусе состоялись первые тридцать заседаний Московского кружка. Начиная с 21 января 1904 г., они проходили под новым названием этого языковедческого собрания – Комиссия для диалектологического изучения русского языка, состоящая при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук [Там же].

Таким образом, **вторым** сообществом, продолжавшим традиции Фортунатовской школы, стала Московская диалектологическая комиссия (далее – МДК), основанная в 1904 г. По сути, это был преобразованный уже в официальный орган при ОРЯС тот самый кружок для изучения русского языка. Д. Н. Ушаков замечал: «С Диалектологической Комиссией Фортунатов непосредственно не был связан, но все основатели Комиссии – его ученики по университету» [Никитин 2002: 92]. МДК – это «родное детище» академика А. А. Шахматова, – так охарактеризовал его роль Д. Н. Ушаков. Второй основатель – Ф. Е. Корш – «гениальный, блестящий ученый, но, конечно, не хозяин, в материальные дела Комис-

об утверждении проекта Устава» (см.: [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 20]).

² Сохранились также интересные воспоминания Н. Н. Дурново о том, как всё начиналось: «Не помню точно, кому из нас первому, Григорьеву или мне, кажется, что Григорьеву, пришла в голову мысль организовать кружок для изучения русского языка. Я больше его чувствовал потребность поделиться своими мыслями, касающимися лингвистических вопросов, с другими, чем Григорьев, потому что в это время был занят печатаньем своей первой большой работы по диалектологии – Описания говора д. Парфенок, – которая являлась как бы энциклопедией моих тогдашних знаний по языку.

С самого начала кружок был очень невелик. <...> Все мы пятеро были по Университету однокурсники, кончили в 1899 году. Григорьев, Соколов, Тарабрин и я, Московский, Нахтигаль – Венский Университет. Д. Н. Ушаков вошел в наш кружок только с 5-го заседания, т. е. через 2 с небольшим месяца» [Никитин 2002: 94–95].

¹ Вскоре после основания был разработан проект Устава Московского кружка, а на заседании 24 марта 1902 г. было «принято решение обратиться к А. А. Шахматову за советом, перед кем, в какой форме и когда ходатайствовать о приписке кружка к Императорской Академии наук или Второму Отделению и

сии он не вмешивался» [Там же. Л. 93]¹. Она просуществовала в традициях МЛШ и под руководством Д. Н. Ушакова до 1931 г., а затем под влиянием марристов была преобразована в Диалектологическую (или, по П. С. Кузнецову, Диалектографическую) комиссию². Во главе ее стал Н. М. Каринский, отстранивший Д. Н. Ушакова от руководства ею. Было резко сокращено количество работников. Изменился вектор исследований, который позже назвали «ярким примером вульгарной социологии в языкознании» [Бернштейн 1973: 84]. Тот же автор замечал: «Даже публикацию ценнейших диалектологических материалов он [Н. М. Каринский] квалифицировал как преступление» [Там же]. Но марристом все же он не был, скорее – оппонентом Н. Я. Марра.

Стоит заметить, что в МДК входило много ярких ученых, однако именно «Д. Н. Ушаков, работавший в [Диалектологической] комиссии с самого начала, занял в ней ведущее положение. Он не был научным лидером: как лингвист был значительнее его друг Николай Николаевич Дурново, “большой ребенок”, по выражению Р. И. Аванесова. Но Дмитрий Николаевич стал “мотором” работы комиссии, ее организационным лидером, сначала неформальным, а затем и формальным» [Алпатов 2009: 465–466].

Третьим сообществом был Московский лингвистический кружок (далее – МЛК), организованный в 1915 г. по инициативе студентов Императорского Московского

университета и поддержанный Ф. Е. Коршем, Д. Н. Ушаковым, В. К. Поржезинским и Н. Н. Дурново. Он просуществовал около 10 лет и стал настоящей лабораторией творчества для молодых филологов, фольклористов, поэтов: от Б. В. Томашевского до В. В. Маяковского и П. Г. Богатырева. Первым его председателем был ученик Д. Н. Ушакова Р. О. Якобсон, а позднее – фортунаговец М. Н. Петерсон, А. А. Буслаев, еще один почти забытый ныне «ушаковский мальчик», и Г. О. Винокур (см. подробнее: [Касаткин 1990: 318]).

В некоторых своих темах МЛК пересекался с ОПОЯЗом, возникшим в Петрограде в 1916 г. и более тяготевшим к проблемам литературоведения, особенно изучению теории поэтического языка и стиховедению. Его можно назвать **четвертым** сообществом, повлиявшим на формирование научных взглядов Московской школы в послереволюционное время. На заседаниях ОПОЯЗа в том числе обсуждали и лингвистические идеи. В этом смысле и языковедов, последователей Ф. Ф. Фортунатова, и новое поколение ОПОЯЗовцев сближал формальный метод, ставший одним из ведущих в научном движении конца 1910–1920-х гг. И хотя Д. Н. Ушаков не участвовал в деятельности этого общества, но в развитие идей были вовлечены его ученики, например, Р. О. Якобсон, впоследствии ставший одним из активных деятелей Пражского лингвистического кружка (см. подробнее: [Левинтон 1990: 347–348]). «Под влиянием О<ПОЯЗа> или в полемике с ним сформировались взгляды таких языковедов, как... Г. О. Винокур, ... А. А. Реформатский и др.» [Там же: 348].

Так, постепенно оттесняя на второй план ближний круг фортунаговцев, на арену лингвистических баталий выходит поколение учеников Д. Н. Ушакова.

В брошюре П. Я. Черных «I. Современные течения в лингвистике. II. Русский язык и революция» автор назвал три актуальных для 1920-х гг. направления: соссоровское, социологическое (А. Мейе) и «яфетическую теорию» Н. Я. Марра («марксистское языкознание»), «тем более интересную, что она сложилась вне какой-либо определенной зависимости от современного научного настроения на Западе, хотя, вообще говоря, у ней имеется не мало (так

¹ Подробнее см. материалы о возникновении МДК и ее деятельности за первое десятилетие (1904–1914 гг.), а также Постоянной комиссии по диалектологии русского языка за двенадцать лет (1914–1926 гг.), воспоминания о первом председателе МДК Ф. Е. Корше и роли А. А. Шахматова в ее работе в книге «Русский язык» [Панов 1995: 26–32; Ушаков 1995: 261–306].

² С. Б. Бернштейн вспоминал: «Ликвидация диалектологической комиссии нанесла серьезный ущерб не только русской диалектологии. Практически было закрыто Московское лингвистическое общество, где ... обсуждались разнообразные проблемы языкознания» [Бернштейн 1973: 84]. Ср. высказывание М. В. Панова: «Конец 20-х – начало 30-х годов: яростный натиск на науку вульгарной социологии. В языкознании во главе погромщиков – сторонники «нового учения о языке» Н. Я. Марра, официально поддержанные и административно господствующие. Марристы ликвидировали МДК» [Панов 1995: 31].

в книге. – В. А., О. Н.) точек соприкосновения с отдельными течениями в области западно-европейской теоретической лингвистики» [Черных 1929: 28]. К старому сравнительно-историческому направлению изначально ближе был Соссюр, а его последователи в России – Г. О. Винокур (Культура языка. М., 1924) и С. И. Карцевский (Повторительный курс русского языка. М., 1928), которого П. Я. Черных назвал «учеником Ф. де Соссюра»¹ [Там же: 11]. К социологическому отнес М. Н. Петерсона из-за его небольшой статьи «Язык как социальное явление» (1927) и Р. О. Шор (Язык и общество. М., 1926)² [Там же: 18]. Поворот к новому он объяснял «общей усталостью» от младограмматиков [Там же: 10]. Как видим, даже среди новаторов в языкознании 1920-х гг. были сподвижники Д. Н. Ушакова – его младший коллега и ученик Ф. Ф. Фортунатова М. Н. Петерсон и «внук» Московской лингвистической школы Г. О. Винокур.

Заметим попутно, что в среде социологов от языкознания отношение к традиционным направлениям в начале 1930-х гг. было прохладным. Та же Р. О. Шор в книге «На путях к марксистской лингвистике», пропитанной идеями Н. Я. Марра, писала, имея в виду учебники В. К. Поржезинского, Д. Н. Ушакова, А. И. Томсона, В. А. Богородицкого и Д. Н. Кудрявского, что

¹ Это действительно так. Данный факт отмечается во многих биографиях С. И. Карцевского. Вот что писала И. И. Фужерон: «Чуть позднее С. И. Карцевский вступил в партию эсэров, а в 1906 году был арестован за революционную деятельность. Через год ему удалось бежать из тюрьмы, и он уезжает за границу, в Женеву, где поступает в университет и посещает лекции ведущих лингвистов того времени: Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сеше» [Фужерон 2019: 121].

² Книга Р. О. Шор, сыгравшая определенную роль в изучении социальных процессов в языке, отошла от традиционного фортунатовского понимания этого термина: «...язык – это социальный (везде в цитате курсив автора. – В. А., О. Н.) продукт... и социальная предпосылка..., культурное орудие, созданное и передаваемое общиной, коллективом» [Шор 1926: 45]. Ср. ее же высказывание в брошюре «На путях к марксистской лингвистике»: «...ни одно из этих направлений [новейших течений западной лингвистики XX века] – в том числе и Социологическая лингвистика де Соссюра – не создало школы среди советских лингвистов» [Шор 1931: 23].

«в программах и руководствах наших университетов сохраняется достаточно пережитков сравнительного языкознания в его самой классической младограмматической форме...» [Шор 1931: 23].

Разбирая далее проблему языка и революции, П. Я. Черных замечал: «Приходится пожалеть, что ни у Селищева, ни у его предшественников не обращается достаточно внимания на это интересное явление (имелась в виду *литературная норма речи*. – В. А., О. Н.)» [Там же: 50]. Хотя имя Д. Н. Ушакова здесь и не названо, но очевидно, что обозначенная в 1920-х гг. проблема стала еще одним коренным поворотом в отечественной лингвистической мысли, во главе которого встали А. М. Пешковский и Д. Н. Ушаков. Лишь в самом конце автор брошюры цитирует статью Д. Н. Ушакова об употреблении иностранных слов в живой речи, может быть, показывая этим возросший интерес *фортунатовцев* к теме «лингвистической социологии», которой П. Я. Черных отводил «роль семафора на этих новых путях исследования» [Там же: 63–64].

Небольшая книга, подзабытая ныне и к тому же опубликованная вдали от научных центров, в Иркутске, интересна для нас тем, что вносит в дискуссию об *Ушаковской* научной школе мнение современника, только начинавшего свой путь в науке, но почувствовавшего те коренные изменения, которые пришли на смену компаративистике.

Д. Н. Ушаков как популяризатор идей Ф. Ф. Фортунатова и поиск других путей исследования языка

Итак, в конце 1910-х и особенно в 1920-е годы начал меняться вектор лингвистических интересов. В среде университетских профессоров и академиков старшего поколения (В. М. Истрин, В. К. Поржезинский, М. М. Покровский, А. И. Соболевский) преобладали еще компаративистские идеи, но они все чаще встречали непонимание в аудитории новых исследователей, а главное – шли вразрез с нарастающим движением марристов. Вместе с этим активно развивалось диахроническое движение в лингвистике, не имевшее отношения к сравнению языков.

Первым опытом Д. Н. Ушакова по популяризации идей учителя стала его статья «Наречия русского языка и русские народ-

ности», опубликованная в «Книге для чтения по русской истории» [Ушаков 1904], которая предназначалась для «средней школы», «читающей публики» и преподавателей. В письме Ф. Ф. Фортунатову от 11 февраля 1904 г. он говорил: «По предложению ее редактора Довнар-Запольского я дерзнул на популяризацию из нашей науки – популяризацию опасную, но необходимую. Позвольте мне, как Вашему ученику, надеяться, что Вы уделите несколько времени, чтоб познакомиться с нею...» [СПбФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. № 86. Л. 1].

И в дальнейшем связь с Ф. Ф. Фортунатовым не прерывалась. По письмам к нему Д. Н. Ушакова можно заметить, что он тосковал по личным встречам и беседам, которые подпитывали молодого ученого, стимулировали его к дальнейшей работе. В послании от 10 ноября 1908 г. он признавался учителю: «Как бы мне хотелось повидаться с Вами и побеседовать; последние два-три года я все более или более чувствую Ваше отсутствие из Москвы: для меня Вы слишком рано перебрались в Петербург. В самом деле, в то время, когда я имел возможность в Москве видаться с Вами, многое, многое по части лингвистики мне и в голову еще не приходило!» [Там же. Л. 7].

Д. Н. Ушаков в этот период был поглощен несколькими научными проектами: он продолжал руководить Московской диалектологической комиссией, занимался реформой русского правописания, составлением первого толкового словаря русского литературного языка в типе «Ляруса», выступал с публичными лекциями по русскому языку, принимал самое активное участие в перестройке лингвистического и школьного образования в стране, готовил и редактировал учебники. Обладая несомненным авторитетом как ученый, он также участвовал в работе Комиссии по мирным переговорам с Польшей под председательством К. Б. Радека (кроме Д. Н. Ушакова из Московского университета туда вошел и М. Н. Сперанский) [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 31. Лл. 19-20].

Многие работы Д. Н. Ушакова этого времени носили просветительский характер и имели исключительное значение в том культурно-образовательном хаосе, в котором находилось наше образование. Особенно отметим его книгу «Русское пра-

вописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе» [Ушаков 1917]. Реформа разделила мнение ученых, шли многочисленные дискуссии... Д. Н. Ушаков подошел к решению этой проблемы с практической стороны. В книге он рассказал о письме и правописании, о фонетической транскрипции и обычном письме, касался этимологической точки зрения на данную проблему, разобрал главные факты истории русского правописания. Он откликнулся на самые спорные проблемы: «Некоторые боятся, что реформа правописания *повредит правильности языка* (курсив автора. – В. А., О. Н.). Если это опасение основано на простом смешении языка с правописанием, то оно не заслуживает упоминания...» [Там же: 101]. В конце книги он приводил интересные наблюдения над тем, как неодинаково у нас и на Западе дети «достигают правильного письма» [Там же: 105–106].

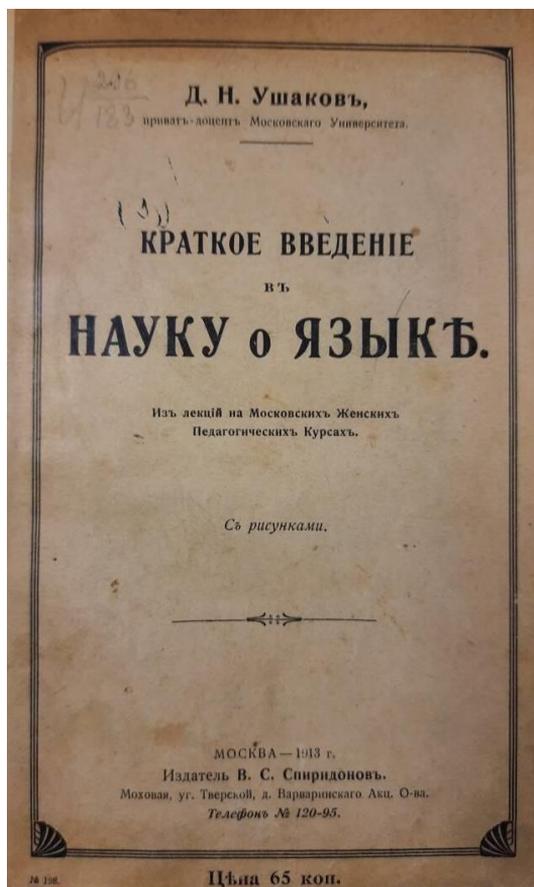
Самое важное в этой книге – призыв Д. Н. Ушакова не бояться реформы, сделать ее доступной для обсуждения, а результаты – удобными и практичными к использованию в повседневной практике. Заложенные в работе идеи Д. Н. Ушаков позже развил в практике словарной работы, где тезис о правильности языка был одним из основных. И это ортологическое направление в изучении языка, можно смело сказать, началось именно с Д. Н. Ушакова, а продолжили его ученики Дмитрия Николаевича – Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский и др.

Д. Н. Ушаков еще в 1900-х гг. занялся популяризацией идей Ф. Ф. Фортунатова. По сути, он первым в доступной для широкой филологической аудитории форме изложил его учение в книге «Краткое введение в науку о языке» (М., 1913. 1-е издание). И далее, особенно в 1920-х гг., эта работа была самым востребованным учебником одноименного вузовского курса. В последующих изданиях он помещал фрагмент предисловия 1913 г., где говорилось, что содержание книги «основано главным образом на лекциях моего покойного учителя, профессора Московского университета, академика Ф. Ф. Фортунатова, что читатель, знакомый с его «Общим курсом сравнительного языковедения», легко может заметить во многих местах моей книги»

[Ушаков 1929: 4]. Именно это творение Д. Н. Ушакова стало проводником фортуна-товских традиций в период нарастающего влияния марризма и отстаивало подлинную научную традицию. Первый же параграф книги говорит о том, что Д. Н. Ушаков не отказался от тезиса учителя: «Наука о языке называется **языковедением**, или **лингвистикой**. По своему методу, состоящему в сравнении разных языков между собою, она получила название **сравнительного языкознания**» [Там же: 5]. Многие параграфы «Краткого введения...» демонстрируют последовательность преемственной связи Д. Н. Ушакова: и разделение языковедения по отделам, и рассуждение о школьной и научной грамматике, интерес к психологии речи, мышлению, формам слов – все это изложено в русле прежней традиции, лишь несколько адаптировано к современному читателю и до-

полнено новыми тезисами и примерами. Символично, что 9-е издание книги 1929 г. завершается разделом «Жизнь языка». Там говорится об изменении звуковой стороны слова, о появлении новых значений, утрате слов и возникновении неологизмов: *земгор*, *наркомпрос*, *гепеу* и т. п. [Там же: 136], о трансформации форм слов. Это был почти фортуна-товский девиз!

А. Б. Шапиро на заседании памяти Д. Н. Ушакова в Ташкенте 15 июня 1942 г. говорил, что «грамматическая концепция Фортунатова, отличающаяся исключительной стройностью и последовательностью, надолго предопределила развитие русской грамматической науки. Д. Н. изложил свое грамматическое кредо в “Кратком введении в науку о языке” ...» [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 2 об.]; «Д. Н. всегда, всюду был наблюдателем, собирателем языковых фактов» [Там же. Л. 5].

Обложка первого издания книги Д. Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке» (М., 1913)

В то время, когда еще не было регулярных пособий по общему языкознанию и сама наука находилась на перепутье, Д. Н. Ушаков своим педагогическим талантом и чутьем фортуналовца практически обратил внимание нового поколения учащихся на ценность дореформенной традиции, повернул изучение языка к культурным корням этой науки.

Книга послужила толчком к созданию вузовского учебника «Введение в языковедение» А. А. Реформатского, который предпослал Оглавлению такие слова: «Памяти автора “Краткого введения в науку о языке”, моего дорогого учителя Д. Н. Ушакова[,] посвящаю свой труд» [Реформатский 1947: 2]. И дело Д. Н. Ушакова как популяризатора фортуналовских идей ожило в новое время, как неподдельный алмаз попало в руки искусному мастеру, а его грани засияли новыми красками.

Даже в сложные 1920-е гг. Д. Н. Ушаков не изменил своей лингвистической музе: он был лингвистом-просветителем, медленно и методично растолковывал законы языка, делал его понятным всем малообразованным массам людей. Такой уровень практическая филология достигла впервые. Здесь состоялась еще одна большая заслуга Д. Н. Ушакова.

Начав свою биографию как этнограф и историк русского языка (см. подробнее: [Никитин 2023]), занимавшийся под наблюдением А. А. Шахматова изучением древнерусских памятников письменности (см.: [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. № 42. Лл. 6–8]), он постепенно отошел от этой линии. Д. Н. Ушакова всегда влекла живая душа языка: диалекты, разговорная и литературная речь с их вариативностью, стилистическими и грамматическими нюансами – то, что составляло основу преподавания русского языка и литературы от Ф. И. Буслаева до В. П. Шереметевского (кстати, Д. Н. Ушаков назвал его своим учителем и посвятил ему книгу «Русское правописание»). Он безукоризненным чутьем влюбчивого в слово педагога и тонкого наблюдателя народной речи понял, какое значение получит *синхроническая* плоскость изучения языка – от формальной грамматики до установления орфографических, орфоэпических, лексических и

т. п. норм. Можно сказать, что Д. Н. Ушаков стоял у истоков кодификации законов жизни русского языка. И в этом смысле его опыт был и остается актуален.

В то же время Д. Н. Ушаков оставался верен своей компаративистской молодости и смог реализовать учительские послы в вузовском курсе науки о языке, которая в своих основных тезисах противостояла марровскому направлению.

Фотопортрет Московской лингвистической школы 1920-х гг.

Иногда неожиданные фотографии дают нам более живую и притом объективную картину, чем суждения современников и позднейших исследователей этого времени. Перед нами тот костяк МЛШ, который при всей пестроте и противоречивости идей 1920-х гг. сложился вокруг Д. Н. Ушакова: от почти дофортуналовской традиции, берущей начало в деятельности Ф. И. Буслаева (ее представителем стал академик М. Н. Сперанский, выступавший на заседаниях МДК [Басовская 2016]) до младших соратников Ф. Ф. Фортунатова – Д. Н. Ушакова и М. Н. Петерсона, бывших его студентов. А рядом ученики учеников – И. Г. Голанов, начинавший свою деятельность под руководством Д. Н. Ушакова и А. А. Шахматова; совсем юные В. Н. Сидоров, ставший впоследствии одним из вдохновителей Московской фонологической школы, и В. И. Лыткин – талантливый финноугровед, этимолог, диалектолог. Только на первый взгляд, А. М. Селищев, выпускник Императорского Казанского университета, здесь «лишний», но и он по приезду в Москву в 1922 г. после смерти В. Н. Щепкина, коренного фортуналовца, возглавил кафедру славяно-русской филологии (она несколько раз меняла название) 1-го МГУ, на которой работали ученики Ф. Ф. Фортунатова Д. Н. Ушаков и А. М. Пешковский, и быстро влился в языковедческую традицию Московской школы.

Таким образом, формирование младшего поколения МЛШ – тех самых «ушаковских мальчиков» – происходило под опекой лингвистических и – шире – культурно-исторических идей, возделанных на щедром поле московских филологов, историков, палеографов, педагогов-русистов.

Преподаватели и студенты 1-го МГУ.

В первом ряду (слева направо): А. М. Селищев, И. Г. Голанов, М. Н. Сперанский, Д. Н. Ушаков, далее неизвестное лицо, М. Н. Петерсон.

Во втором ряду (слева направо): третий – В. Н. Сидоров, шестой – В. И. Лыткин.

Середина 1920-х гг.

Из личной коллекции О. В. Никитина

«Ушаковские мальчики» – ядро «единой лингвистической школы»

«Ушаковские мальчики» уже стало прецедентным именем в истории языкознания. Пусть и в слегка иронической интонации оно тем не менее обозначало учителя и учеников как *единое* движение. В этом словосочетании слышится то живое, непосредственное начало, которое есть в любом эксперименте. Необычное прозвище, как следует из воспоминаний А. А. Реформатского (1942 г.), могло возникнуть так: «И это название, которое придумал какой-то наш недоброжелатель, мы носим с большой гордостью. Да, мы “ушаковские мальчики”, пусть мы лысые, седые, пусть мы сами на тот свет уже помаленьку начинаем уходить, но мы будем до конца дней

считать себя “ушаковскими мальчиками” и будем гордиться этим трогательным названием» [Реформатский 1998: 47]. Или так: «Своих учеников Д. Н. Ушаков любил называть “мальчики”» [Бернштейн 1973: 85].

Вот один из экспериментов: шуточное поздравление Д. Н. Ушакову от его учеников в стилистике церковнославянского языка, обыгрывающее свойства души и характеры «отцов и детей». Они назвали его в послании «Шѣръ метръ» – дорогой учитель. В нем можно обнаружить целый кладезь интертекстов и метафор, подвластных талантливым личностям: чего стоит только это выражение: «...бабскъ ходокъ жидовинъ Иванова снъ Сѣргии Шжѣговѣръ»!

го не поделаешь. Тут склонность природы. [...] Педагог чудесный. Внимательный и заботливый был, это – ничего не скажешь» [Там же]. В чем же заключалась эта «отсталость» М. Н. Петерсона? Он был последовательным сторонником *fortunатовских* традиций – компаративистом – занимался сравнительным языкознанием и индоевропеистикой под руководством В. К. Поржезинского, затем преподавал санскрит и

литовский языки, и формалистом – описывал формальные типы словосочетаний с функционально-семантической стороны (см.: Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923). Вот две основные области его интересов, за которые он редко выходил и, по-видимому, мало интересовался изменениями в лингвистике. А Д. Н. Ушаков был другим, более подвижным, чутким к обновлениям:

**М. Н. Петерсон на отдыхе в Прибалтике. 1950-е гг.
Архив РАН. Ф. 696. Оп. 1. № 181. Л. 10**

«Вот в прошлый раз я говорил, как он [М. Н. Петерсон] мне показал различия синтаксических позиций Фортунатова и Потебни, и я это на всю жизнь усвоил и принял. Ну вот, видите. А во многом, вот как раз в области фонологии, он никак не понимал. И когда ему говорили: “Ну, скажите, чем отличается “шить” и “сшить?” – Ну, грамматически тем, что одно – несовершенный вид, а другое – совершенный вид. – А чем же это выражено в языке? Он говорил, что вот то, что “ш” – долгое. Говорим: “Послушайте, ну что значит “ш долгое”? Как это связать с общей теорией звукового строя русского языка?” Ну, его просили понять, что здесь есть с точки зрения строения по фонемам? – *ш, ш* долгое и ч (?).

А в “шить” только *ш* и ч (?)¹, то есть одно – четырехфонемное, а другое – трехфонемное, но благодаря известным действующим закономерностям эта комбинация “сш” превращается в “ш долгое”, в котором скрываются две фонемы. Вот этого Петерсон никак не мог понять <нрзб.> мы когда-то вот с Володей Сидоровым пытались его перевернуть, но нам так и не удалось. А Ушаков это понимал, что показало наше дальней-

¹ В другом варианте расшифровки записи, на портале «Устная история», эти строки воспроизводятся по-иному, с небольшими отличиями: «Ну, его просили понять, что здесь есть с точки зрения строения по фонемам <ш>, <ш>, <и>, <т’>, а в “шить” только <ш>, <и>, <т’>» (URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-347>).

шее с ним содружество и совместная работа»¹ [Там же].

На первый взгляд, странно соотносить Д. Н. Ушакова с Ф. де Соссюром. Но если посмотреть на тот путь, которые прошли оба ученых, никак лично не соприкасавшиеся при жизни, то можно увидеть одну закономерность: и тот, и другой начали свою биографию с традиционной компаративистики: де Соссюр занимался изучением гласных в индоевропейских языках, а Д. Н. Ушаков старательно штудировал курсы Ф. Ф. Фортунатова. Затем от сравнительно-исторического языкознания они перешли к анализу проблем системности языка. Де Соссюра больше интересовала семиологическая сторона вопроса, а Д. Н. Ушакова – практическая, нормализаторская. В этом смысле «он смотрел в будущее» [Ожегов 2001в: 458] и одобрял поиски своих учеников, чувствовал движение лингвистической мысли. Один из них эту антиномную определил так: «Насколько я помню, Д. Н. не был большим почитателем Соссюра, *однако идею системы языка одобрял*. Но понимал ее тоньше. И эта идея не столько от Соссюра, сколько от тонкого понимания нюансов живой речи, живых связей и отношений в языке. Это у него выражалось в остром внимании к семантическим особенностям синонимичных и соприкасающихся по значению слов к однокоренным и разнопрефиксальным образованиям, к соотношениям производящих и производных слов» [Там же: 457].

Итак, в недрах Фортунатовской школы и под опекой ее отцов-основателей (Ф. Е. Корша, тоже выпускника Императорского Московского университета, тоже можно до некоторой степени отнести к этой – *московской* – традиции, хотя он представлял самостоятельное, независимое явление) возникла свежая струя, кото-

рая продолжила пусть в чем-то и независимо от старой традиции, но *системно* и не отрицая связи с ней, фортунатовско-ушаковское направление. Одни развивали лексикографические идеи (особенно активны здесь были Г. О. Винокур в 1930-е гг. и С. И. Ожегов все время), проблемы ареальной лингвистики (С. С. Высоцкий, И. Г. Голанов, В. Н. Сидоров и др.) и вопросы изучения орфоэпии и стилистики с точки зрения нормализации русского литературного языка (Р. И. Аванесов, С. И. Ожегов), другие пошли своим путем.

Так, в 1920-е годы возникло еще робкое, но дерзкое по замыслу мальчишество в виде ДАРС (русист С. И. Дмитриев, фонетисты Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров) – шуточное название объединения молодых лингвистов. А с середины 1940-х годов на первый план они вышли уже как представители сформировавшейся Московской фonoлогической школы: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский², П. С. Кузнецов и из младшего поколения М. В. Панов, В. Г. Орлова, И. С. Ильинская (см., например, воспоминания одного из участников: [Аванесов 2005])³.

Наверное, можно назвать еще немало имен последователей Д. Н. Ушакова, кто в той или иной мере способствовал становлению нового взгляда на изучение языковых явлений и в этом отношении был продолжателем МЛШ уже в послевоенный период развития науки. Один из них, М. В. Панов, так определил значение Д. Н. Ушакова в этом деле: «Он посвятил себя изучению русского языка, который был его любовью и предметом постоянной деятельной заботы.

² А. А. Реформатский в беседах с В. Д. Дувакиным вспоминал: «Вот эти пять человек: Аванесов, Сидоров, Кузнецов, Сухотин и я – образуют ядро этой школы...» [Беседы... 1996: 93].

³ Когда говорят об истоках идей этой школы, то обычно упоминают И. А. Бодуэна де Куртенэ, но о ее связи с московскими корнями говорит тот факт, что многие ее представители были выпускниками столичного университета и начинали свой путь под руководством Д. Н. Ушакова и работавшего уже тогда в Москве А. М. Селищева, «которые направили наши интересы в область диалектной фонетики» [Аванесов 2005: 215]. К числу сторонников этой школы Р. И. Аванесов отнес также А. М. Сухотина и Н. Ф. Яковлева, «который является во многом предтечей московской фonoлогии» [Там же: 219].

¹ Ср в этой связи интересное наблюдение М. В. Панова: «Многим, возможно, покажется парадоксальным мнение, что Д. Н. Ушаков и его соратники ближе к фonoлогии, чем Л. В. Щерба. Но это мнение справедливо. [...] Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново и их единомышленники уже в работах начала века оба вопроса решали строго позиционно. Термина «фонема» у них не было, но по существу они вплотную подошли не к «ущербной» (как каламбурил А. А. Реформатский), а к подлинной теории фонем» [Панов 1995: 29].

Но ничуть не меньше ему были близки и задачи общей лингвистики – найти принципиально важные общие законы существования и развития, свойственные человеческому Языку как целому. Те законы, к которым вели и грамматические теории Фортунатова, и позиционное исследование диалектов Московской диалектологической комиссией» [Панов 1995: 32].

Кроме научных интересов, было в Д. Н. Ушакове и то, что родило его со старой Московской школой, которая всегда отличалась этой особенностью: и буслаевские домашние встречи, где одни изучали рукописи, другие – живопись, третьи знакомились с богатой библиотекой, а вместе – УЧИЛИСЬ ФИЛОЛОГИИ; и фортуновские беседы на квартире – они были открыты для учеников и всех, кто душой тянулся к науке. Так и Д. Н. Ушаков: он окормлял своих питомцев высокой духовной миссией Учителя, разогревал их ум, терпеливо воспитывал в них пылливый независимый дух исследователя, простым словом, добрым советом, а часто и самопожертвованием показывал пример подвижнической деятельности, без которой не состоялась бы его Школа. М. А. Реформатская в воспоминаниях «На переломе эпох (из записок старых москвичей)» красиво и точно подметила сущность личности Д. Н. Ушакова как учителя своих «мальчиков»: «И в научном, и в человеческом отношении А. А. [Реформатский] ощущал к Д. Н. Ушакову сыновнюю привязанность, называл его “духовным отцом” и “духовником”» [Реформатская 2009: 694]. Трогательно и справедливо звучат слова А. А. Реформатского об атмосфере, царившей вокруг Д. Н. Ушакова: «Я вспоминаю Сивцев Вражек, когда там был Дмитрий Николаевич. Это была подлинная Мекка не только для филологов, для всех, кому мог быть полезен Дмитрий Николаевич. А кому бы не мог он быть полезен? Он был полезен всем, и все время приходили к нему люди с самыми различными вопросами и интересами. Одни сидели сутками, другие приходили на 10-20 минут и уходили. Это был сплошной поток, сплошное паломничество» [Реформатский 1998: 46].

Приведем еще одно признание ближайшего ученика Д. Н. Ушакова Г. О. Винокура: «Ученики Дмитрия Николаевича

не составляют школы в том смысле, в каком мы говорим, например, о школе Фортунатова или Казанской школе. Среди “Ушаковских мальчиков” мы встречаем людей, часто державшихся различных точек зрения – это люди разных интересов, но все же их объединяет нечто, что дает право также говорить в особом смысле и об “Ушаковской школе” в русском языкознании» [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 51].

Д. Н. Ушаков как один из организаторов работы по нормализации русского литературного языка и его Школа лексикографии в 1920–1930-е гг.

Языковое строительство 1920-х гг. было невозможно без создания нормативной базы. Это касалось и новых учебников, и создания алфавитов для бесписьменных народов, и кодификации лексики. Все старое, академическое (с ятями и ерами) воспринималось как пережиток царской эпохи. В работу по рестройке языкового образования, выработке новых методик и нормы включились лингвисты и методисты. Особенно активны на этом поприще были Д. Н. Ушаков и А. М. Пешковский. «В течение трех десятилетий Ушаков был... виднейшим деятелем в области практического применения науки о русском языке. В первую очередь речь шла о поддержании и совершенствовании русской литературной нормы в трех ее аспектах: орфографическом, орфоэпическом (произносительном) и лексикографическом (словарном)» [Алпатов 2009: 467].

В начале 1920-х гг. советское государство поставило перед учеными амбициозную задачу подготовки толково-иллюстративного словаря современного русского литературного языка. За исполнение этого замысла взялись московская во главе с Д. Н. Ушаковым и петроградская под предводительством Л. В. Щербы группы, которые занимались концепцией издания, не имевшего аналогов в нашей стране, отбором слов из произведений писателей и поэтов XIX–XX вв., из публицистики, журналов. Причем состав авторов был разнообразным: от классических Тургенева и Лескова до Ремизова и Луначарского. Работа выборщиков продолжалась в тяжелых условиях, и все же было собрано примерно двести тысяч карточек. Затем в связи с прекращением финансирования она при-

остановилась. Д. Н. Ушаков отчаянно боролся за сохранение картотеки, надеясь на продолжение проекта в других организациях (см. подробнее: [Никитин 2012]). Но к второй половине 1920-х гг. он стал уже неинтересен вышестоящим начальникам и, по-видимому, слишком затрачен. В итоге чудом сохранившуюся картотеку спасли и уже в 1930-х гг. переправили в Ленинград. Она лежала мертвым грузом вплоть до XXI в. и теперь стараниями М. Н. Приемышевой вновь начинает изучаться как ценный феномен новой лексикографической традиции, у истоков которой стоял Д. Н. Ушаков. В частности, при обработке карточек был обнаружен уникальный индекс-словник аббревиатур – первый, насколько нам известно, полноценный справочник сокращений, задокументировавший «революционную эпоху».

Этот печальный опыт не был забыт. Хотя словарь так и не издали, молва о нем как о неосуществленной идее Ленина через некоторое время разнеслась по коридорам власти. Вспомнили и Д. Н. Ушакова, предложив ему возглавить коллектив по составлению толкового словаря. Имена его новых участников уже давно стали хрестоматийными: Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и Б. В. Томашевский [Ожегов 2001б; 2001в]. А неровные и порой трагические события тех лет, «погромы» и дискуссии, проходившие после выхода в свет первого тома ТСРЯ 1934 г., рассказаны в деталях; опубликована и переписка участников «Ушаковской эпопеи» (см. подробнее: [Никитин 2012]).

В контексте этой статьи для нас важно подчеркнуть, что Д. Н. Ушаков последовательно отстаивал принцип *нормативности* при подготовке и обработке словника: была разработана система грамматических и стилистических помет и сокращений, выверена структура статей, подача примеров, фразеологизмов. По четкости, точности, сжатости лексической характеристики слова ТСРЯ до сих пор может считаться образцовым.

Так, может быть, неожиданно и для самого Д. Н. Ушакова постепенно сложилась независимая от академической традиции лексикографическая Школа. Стоит заметить, что ТСРЯ не опирался на имевшийся опыт составления «Словаря русского языка», кото-

рый в 1920-1930-х гг. выходил несколькими редакциями в Ленинграде. ТСРЯ – это не тезаурус, его редактор не ставил целью описать возможно полно весь лексический фонд. Главная задача Д. Н. Ушакова состояла в определении границ и нормализации русского литературного языка. При этом особое внимание обращалось на «процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка» и закрепление установившихся норм [ТСРЯ 1935: I: От редакции]. До ТСРЯ работа в таком масштабе не проводилась. Его не стоит оценивать только с позиции лексикографии. С. И. Ожегов справедливо замечал, что в «наше время не было обобщающих лексикологических трудов. Проблемы лексикологии нашли свое обобщение, главным образом, в словарной работе» [Ожегов 2001а: 426]. В этом состоит несомненная заслуга «ушаковцев».

Можно назвать еще один момент, который подтвердил живучесть концепции ТСРЯ и в XXI в. В нем была апробирована чрезвычайно широкая система стилистических помет (некоторые из них, например, *презрит.*, больше нигде не встречаются). Это было сделано в том числе и для того, чтобы максимально точно описать социолекты. Такую же задачу ставят перед собой лексикографы нашего времени. М. И. Чернышева обоснованно замечала, что «современность раздвинула рамки использования разных типов языка, и теперь лексикография... старается не только зафиксировать и описать новые явления, но стремится также к расширению аудитории носителей лексикографической культуры...» [Чернышева 2022: 75].

Понятно, что при всей мудрости и дипломатичности Д. Н. Ушакова преобладание идеологического оттенка в толковании слов общественно-политической, религиозной лексики не стало исключением. Но основные научные принципы исполнялись безукоризненно. А главное, как вспоминал С. И. Ожегов в заметке «Об ошибках Н. Я. Марра», «в стороне от марровских воздействий стоял “Толк<овый> сл<оварь>” Ушакова, за что подвергся ряду погромов со стороны марристов» [Ожегов 2001а: 426].

Похожая ситуация примерно в то же самое время произошла и с академическим

«Словарем русского языка» под редакцией Н. С. Державина, который не был завершен. Его исследователи пишут: «...в 1937 г. работа над словарем была прекращена по обвинению авторов и выборщиков карточки в троцкизме, опубликованные выпуски издания были изъяты из библиотек (вследствие чего они малодоступны), и словарь оказался практически вычеркнутым из общей истории русской лексикографии и в конечном результате – не известным или малоизвестным не только широкой, но даже и профессиональной аудитории» [Приемышева, Стукова 2020: 195–196].

ТСРЯ в этом отношении повезло: несмотря на происки марристов, публичные обвинения, пасквили в печати, последний том словаря вышел в 1940 г. В течение всего времени подготовки издания над ним трудились одни и те же филологи (за исключением В. В. Виноградова, успевшего поработать особенно активно только над первым томом и посланного в Вятку). Поэтому общая научная концепция ТСРЯ не менялась в угоду изменений в конъюнктуре научных властей.

Любопытно следующее: в период нарастающего влияния «нового учения о языке» Н. Я. Марра именно лексикография меньше всего поддалась ему. «Еще один пример – словарная работа, которую марристы так и не взяли в свои руки. Составление первого большого послереволюционного словаря русского языка возглавил последовательный антимаррист Д. Н. Ушаков, один из немногих ученых, “удостоившихся” персональной брани Марра» [Алпатов 2004: 108].

Так, в эпоху гонений марристов Д. Н. Ушаков со своими учениками и коллегами, составлявшими ТСРЯ, смог создать и сохранить подлинно научную лексикографическую Школу. Его опыт в дальнейшем послужил образцом для подготовки толковых словарей не только в стране, но и за рубежом, например, в Китае. Еще в пору борьбы за Словарь и столкновений с ленинградскими лексикографами, принявшими ТСРЯ прохладно, один из них, В. И. Чернышев, назвал его «замечательным изданием» и «значительным научным трудом». В статье «Словарь современного русского языка» он высказался так: «... “Толковый словарь русского языка” счастливо разрешает многие трудные задачи нормализации

русского литературного языка и в этом отношении, как в целом, так и во многих своих частях, является образцом и ценным источником для других словарных работ нашего времени» [Архив ИЛИ РАН. Коллекция В. И. Чернышева. Неописанные материалы. Л. 16].

Показательно и такое наблюдение: лексикографическая работа невольно выдвинула Д. Н. Ушакова на первое место среди деятелей науки, чьи имена у всех на слуху. Этот подвиг, помимо филологических достоинств ТСРЯ как феномена в отечественной лексикографической практике первой половины XX в., он совершил во имя просвещения обычных людей: «Наших лингвистов (среди которых немало ученых мирового класса) мало кто знает за пределами круга его коллег.... И лишь немногие имена прочно вошли в нашу жизнь. Пожалуй, их всего три: Даль, Ушаков и Ожегов. Легко видеть, что это все составители известных словарей русского языка. Давно нет никого из них, но словосочетания: “Словарь Даля”, “Словарь Ушакова”, “Словарь Ожегова” продолжают жить, а словари – издаваться.... Впрочем, Д. Н. Ушаков имел, по крайней мере, в прошлом широкую известность не только как автор словаря. Как вспоминает одна из мемуаристов [дочь Р. О. Шор], “Ушаков... был одним из двух-трех ученых, фамилии которых были известны школьникам, поскольку Ушаков был автором маленького орфографического С. словаря”» [Алпатов 2009: 464].

«...он порвал давно связь с наукой». Почему Д. Н. Ушакова не избрали академиком АН СССР?

Итак, мы отчетливо видим, насколько значимой в общественном звучании и плодотворной была его работа в области языкового образования, руководства и практической реализации актуальных задач, стоявших перед отечественной наукой в 1910–1930-е гг. Имя Д. Н. Ушакова с середины 1920-х гг. уже прочно вошло в пантеон самых авторитетных лингвистов, которые выполняли государственный «заказ»: от ликвидации неграмотности и создания новых правил обучения русскому языку до фронтального изучения русских диалектов, создания фундаментальных орфографических и словарных трудов, установления кодекса орфоэпических и стилистических

норм. Д. Н. Ушаков преподавал в ведущих учебных заведениях страны, начиная с Императорского Московского университета и Высших женских курсов, до работы в 1920-е гг. в Литературном институте им. Брюсова, в Государственном институте слова и Редакционно-издательском институте ОГИЗа. Много сил он отдал становлению лингвистического образования в МИФЛИ имени Н. Г. Чернышевского (в тот период, когда не существовало филологического факультета в МГУ). Он также был руководителем славяно-русского направления в Институте языка и письменности АН СССР (подробнее см. «Краткое жизнеописание Д. Н. Ушакова» 1940 г.: [Архив РАН. Ф. 677. Оп. 7. № 184. Лл. 25-29]). В научно-педагогической деятельности ученого мы не увидим проходных тем. Почти все проекты он блестяще реализовывал, если не было вмешательства извне (как случилось, например, с Московской диалектологической комиссией или изданием орфографического словаря). На протяжении многих лет, можно сказать без стеснения, он являлся выразителем идей национального масштаба (а не только московской лингвистики). В личном отношении Д. Н. Ушаков олицетворял собой «настоящего русского джентельмена» (выражение Л. В. Щербы).

Но есть и субъективные обстоятельства – конкретные ученые с их амбициями, ревностью и собственным неоспоримым взглядом с вершин начальствующей академичности. Именно они порой и решали судьбу того или иного претендента. Одних, возможно, не устраивала всеобщая известность Д. Н. Ушакова (и не только в кругу ученых). Другие воспринимали его достижения как нечто прикладное, методическое, недостойное звания академика, а сделанное по фортуновским заветам «не замечали». Третьи так и не смогли подняться до понимания смысла его высокой просветительской работы, которая для 1920–1930-х гг. значила, по сути, намного больше, чем объемные труды. Д. Н. Ушакову могли и завидовать в сплоченности вокруг его личности верных друзей по филологическому ремеслу и молодых, но уже проявивших себя в науке последователей – новой ШКОЛЫ. Причем она пусть даже в таком ироническом звучании – *ушаковские*

мальчики – показывала, что под его опекой выросло новое поколение профессиональных лингвистов. Наверное, у Д. Н. Ушакова были и скрытые противники. Сложное время конца 1930-х гг. выдвигало на первые позиции в академической номенклатуре совсем другие типы... Новые факты о том, как происходило его обсуждение на выборах в АН СССР 1939 г., открылись только сейчас.

Выдвинуть кандидатуру Д. Н. Ушакова в действительные члены (=академики) АН СССР решили его коллеги и ученики из МИФЛИ, в котором преподавал ученый – заведовал там кафедрой славяно-русского языкознания. В письме от 7 декабря 1938 г., направленном в Академию Наук СССР, говорилось: «Группа научных работников в составе профессоров Р. О. Шор, Н. К. Гудзия, М. В. Сергиевского, А. Б. Шапиро, С. Д. Никифорова, М. Н. Петерсона, Г. О. Винокура, Р. И. Аванесова, А. М. Сухотина и доцентов П. С. Кузнецова, Л. И. Базилевича, С. И. Ожегова, Е. М. Федорук и И. Р. Палей выдвигает кандидатуру доктора лингвистических наук, профессора Димитрия (так в тексте. – В. А., О. Н.) Николаевича УШАКОВА в действительные члены Академии Наук СССР по Отделению языка и литературы. При этом прилагается записка, характеризующая научную деятельность Д. Н. УШАКОВА, подписанная перечисленными ниже работниками. [...]» [РАН. Ф. 411. Оп. 46. № 22. Л. 13]. В заявлении особенно подчеркивались участие и роль Д. Н. Ушакова в самых значимых научных событиях 1910–1930-х гг. Так, например, о его «Диалектологической карте русского языка» говорилось, что она «остаётся до сих пор единственным трудом этого рода» [Там же. Л. 14]. Лексикографическая деятельность Д. Н. Ушакова также оценена достойно и с положительной для его академического портрета стороны: «Д. Н. Ушаков является одним из составителей этого монументального лексикологического труда и его главным редактором. Значение “Толкового словаря” для современного русского языкознания и для общей культуры русского слова в нашу советскую эпоху исключительно высоко¹. Появ-

¹ Последние два слова вставлены над строкой по зачеркнутому тексту.

ление этого словаря знаменует собой *целую эпоху* в развитии русской лексикологии, и *эта эпоха связана с именем Д. Н. Ушакова*» [Там же. Лл. 14–15]. Далее авторы заявления отметили «выдающуюся роль» Д. Н. Ушакова «в разработке вопросов русской орфоэпии – этой *новой научной области* [...] Д. Н. Ушаков смело может быть назван одним из *основоположников* этой отрасли науки о русском языке» [Там же. Л. 15]. С высокой степенью риторичности (но справедливой!) звучала фраза о том, что «вряд ли можно назвать во всей нашей стране еще одного ученого языковеда (такое написание в тексте. – В. А., О. Н.), имя которого пользовалось бы такой же широкой педагогической славой, как имя Д. Н. Ушакова» [Там же. Л. 16]. Наконец, обратим внимание на заключительный абзац характеристики, доказывающий, что Д. Н. Ушаков – одна из центральных фигур в науке: он «является лицом, *вокруг которого объединяются все основные научные работники Москвы*, занимающиеся русским языком. Привлечение Д. Н. Ушакова к работе в Академии Наук в качестве его *действительного* члена без всякого сомнения сильно содействовало бы объединению всех живых¹ лингвистических сил нашего Союза и устранению того отъединения ленинградских ученых от московских, на которое так жалуются в последнее время работники Академии Наук и в частности председатель академического Института языка и мышления академик И. И. Мещанинов (см. его статью в “Известиях” 24.IX.38)» [Там же. Л. 17].

Как видно из текста заявления, в него просочилась информация о сложностях взаимоотношений между московскими и ленинградскими языковедами на официальном уровне, что еще раз подчеркивает неоднозначность ситуации, в которой находился Д. Н. Ушаков. Достаточно вспомнить наличие двух орфографических комиссий в 1930-е гг.: одной, от Наркомпроса, руководил Д. Н. Ушакова, а другой – под эгидой Академии наук – ленинградские специалисты. Результатом их деятельности должен был быть выпуск первого нормативного орфографического словаря русского языка, и такой словарь подго-

товил А. М. Пешковский, входивший в московскую группу Д. Н. Ушакова... Но ничего не вышло: Д. Н. Ушаков успел выпустить небольшой словарик для школы. После объединения двух комиссий работа не увенчалась успехом (рукописный орфографический словарь, над которым трудился С. П. Обнорский, так и остался неизданным). Это лишь один эпизод противостояния ученых двух столиц (см. об этом в воспоминаниях А. А. Реформатского: [Реформатская 2015]). О холодном отношении ленинградских лингвистов к «Толковому словарю...» под редакцией Д. Н. Ушакова мы уже писали.

Итак, самый ответственный этап выборов – обсуждение кандидатур в Отделении общественных наук АН СССР. Это происходило в январе 1939 г. Кроме Д. Н. Ушакова в академики и члены-корреспонденты выдвигали В. М. Жирмунского, Л. В. Щербу, А. П. Баранникова, С. П. Обнорского, И. К. Луппола, П. И. Лебедева-Полянского, В. Ф. Шишмарева, Н. К. Пиксанова, а также писателей А. Н. Толстого и М. А. Шолохова. Заметим, что подавляющее большинство кандидатур из числа филологов было представлено как раз ленинградскими лингвистами.

В обсуждении кандидатуры Д. Н. Ушакова участвовали академики А. С. Орлов и Н. С. Державин. Они «характеризуют Д. Н. Ушакова как главным образом педагога, сделавшего очень много в этой области. **Как ученый Д. Н. Ушаков за всю свою многолетнюю деятельность ничего не дал**» [АРАН. Ф. 394. Оп. 13. № 2. Л. 3]. В итоге постановили: «Считать, что кандидатура Д. Н. Ушакова не удовлетворяет требованиям, предъявляемым уставом Академии Наук» [Там же].

В расширенном протоколе заседания экспертной комиссии при Отделении общественных наук от 10 января 1939 г. по обсуждению кандидатур, представленных в действительные члены и члены-корреспонденты по Отделению языка и литературы, по поводу Д. Н. Ушакова говорилось (из реплики И. И. Мещанинова), что «он представлен в члены-корреспонденты» [Там же. Л. 20].

Далее цитируем стенограмму:

«тов. ЭНГЕЛЬ. В академики его представляют целый ряд товарищей.

¹ Приписано сверху от руки.

акад. ОРЛОВ. Это его сотрудники по работе над русским словарем, который теперь выходит вторым томом¹.

акад. ДЕРЖАВИН. Разрешите мне высказаться против этой кандидатуры. Тов. Ушаков очень заслуженный педагог, у него имеется очень много работ, но **за последние 20 лет он ничего не сделал для науки, он порвал давно связь с наукой**. Если бы стоял вопрос об избрании в члены-корреспонденты, то это можно было бы сделать, а в отношении выдвижения его в действительные члены Академии НАУК я высказываюсь против. Он вполне достоин звания члена-корреспондента, а выдвигает (так в тексте. – В. А., О. Н.) его в академики, **когда он ничего не сделал**[.] мне кажется[.] нельзя².

акад. ОРЛОВ. Я Ушакова очень уважаю, но действительно совершенно справедливо говорит Н. С. [Державин], что **от науки он отошел**. Эти его издания «Пчелка», «Ручеек», орфографические пособия, все это в Госиздате щедро оплачивалось, но ведь это не имеет существенного значения³. Правда, что такого рода работы принимают больше[.] чем, скажем, монографические работы, напр., в Славянском кабинете, где сидят люди и спрашивают: будут нас печатать или нет.

акад. МЕЩАНИНОВ. Может быть угодно сейчас не разбирать, а вернуться к

этому, когда мы будем разбирать членов-корреспондентов.

акад. ДЕРЖАВИН. Мы его не отводим, его степень мы будем определять после 13-го числа, когда будем разбирать членов-корреспондентов. Так и надо сказать, что рекомендуем его в члены-корреспонденты.

акад. МЕЩАНИНОВ. Он значится в списке членов-корреспондентов.

Сомнений нет, в действительные члены мы его не рекомендуем.

Так и запишем, что комиссия воздерживается от рекомендации проф. Ушакова в действительные члены АН.

Он значится в списке членов-корреспондентов, к этому мы вернемся потом» [Там же. Л. 20].

И далее какой колоритный сюжет! Хотя он и не имеет прямого отношения к Д. Н. Ушакову, но показывает академическую атмосферу изнутри:

«тов. ЭНГЕЛЬ. Следующая кандидатура т. Щерба.

акад. ОРЛОВ. **Я ревную к засилию лингвистов**.

акад. МЕЩАНИНОВ. На этом остановимся потом» [Там же. Л. 21].

19 января состоялось заседание Отделения общественных наук АН СССР. Председательствующий академик А. М. Деборин предоставил слово И. И. Мещанинову для оглашения результатов работы экспертной комиссии по языку и литературе.

Выступает А. С. Орлов: «А. Н. Толстой получил 17 голосов, М. А. Шолохов – 18, Луппол [–] 16, С. П. Обнорский – 20 голосов, Баранников – 13, Лебедев-Полянский – 2, Шишмарев – 5, Щерба – 4, Жирмунский – 2, Пиксанов – 1.

акад. ДЕБОРИН. Таким образом[.] избранными 2/3 голосов оказались – Толстой, Шолохов, Луппол, С. П. Обнорский.

акад. ВОЛГИН. [...] у нас остается в будущем [...] одно место вакантным. Нельзя ли предложить экспертной комиссии вновь собраться [...]» [Там же. Лл. 41-41 об.].

20 января на очередном собрании Отделения общественных наук АН СССР И. И. Мещанинов «зачитывает заключение экспертной комиссии по кандидатуре проф. Баранникова в действительные члены АН по Отд-елению» языка и литературы» (см. подробнее стенограмму: [Там же. Лл. 43–63]). По итогам голосования Д. Н. Ушакова из-

¹ А. С. Орлов ошибся: второй том ТСРЯ вышел в 1938 г., а в 1939 г. готовился к печати третий.

² В книге «История одного мифа: Марр и марризм» ситуация в науке второй половины 1930-х – начале 1940-х гг. трактуется неоднозначно, в частности, говорится о спаде интереса лингвистов к личности и идеям Н. Я. Марра и содержится такая характеристика Н. С. Державина: «Редким исключением был один из самых дремучих марристов академик Н. С. Державин, развивавший этимологические упражнения Марра... и заявлявший о яфетических элементах в русском языке, об исконном отсутствии падежей в болгарском и т. д.» [Алпатов 2004: 117].

³ Очевидна ирония А. С. Орлова по отношению к Д. Н. Ушакову, который не печатался в указанных изданиях. «Пчелка» – так назывался дореволюционный журнал для детей. «Ручеек» – название букваря для школ I и II ступени (М.; Л., 1927). Справедливости ради стоит заметить, что Н. С. Державин выпустил несколько учебно-методических работ «ненаучного» характера: *Учебник русской грамматики: Опыт научно-элементарного курса*. (Пг., 1918); *Основы методики преподавания русского языка и литературы в трудовой школе* (М.; Пг., 1923).

брали членом-корреспондентом [Там же. Л. 54], а А. П. Баранникова – академиком¹] [Там же. Л. 72 об.].

Так завершилась для Д. Н. Ушакова академическая эпопея, о тонкостях которой он и его соратники, конечно же, ничего не знали и не могли предположить, какие страсти кипели вокруг его имени². Безусловно, Д. Н. Ушаков был выдающимся организатором науки. Он входил в кортету тех ученых, кто в 1900–1930-е гг. находился на передовых рубежах лингвистической мысли (особенно значима его деятельность в МДК) и в центре новых движений (МЛК), а позднее сыграл огромную роль в сохранении традиций Московской школы. Активная преподавательская работа, вовлеченность в многочисленные общественные, учебные дела не позволили ему сконцентрироваться на реализации задуманных в молодости идей и несколько отдалили его от академического поприща. Теоретических трудов, монографий в 1920–

1930-х гг. Д. Н. Ушаков действительно не издал. Он с душой, со всей своей организаторской мощью отдавался новому языковому строительству и находился в стороне от кабинетных проектов и дискуссий (к тому же стоит помнить, что Академия наук в те годы располагалась не в Москве, а в Ленинграде). Даже его участие в деятельности Орфографической комиссии шло по линии Наркомпроса (вторая комиссия функционировала в АН). А работа по толковому словарю в 1930-е гг. и вовсе расстроила отношения со словарниками – С. П. Обнорским, Е. С. Истриной и др., воспринимавшими довольно болезненно успех Д. Н. Ушакова (заметим, что во время марристской кампании 1935 г. они, по описаниям Б. А. Ларина и С. И. Ожегова, были не на высоте [Никитин 2012: 135, 137, 138, 147]). Все эти и, возможно, другие обстоятельства, о которых мы никогда не узнаем, создали ситуацию, при которой в выборах побеждали, в первую очередь, лояльные власти деятели науки, находившиеся в ранге высоких начальников (директоров академических институтов и т. п.). И по этим позициям Д. Н. Ушаков также проигрывал. Убедительно отвести кандидатуру московского ученого человеку не из его школы было нетрудно.

В черновой заметке С. И. Ожегова 1952 г. «Памяти Д. Н. Ушакова. 10 лет смерти» есть такие примечательные слова, которые с опозданием расшифровали суть тех «претензий» к Д. Н. Ушакову и показали, какие настроения царили в научном сообществе довоенного времени. Наверное, это и может быть ответом на вопрос, почему Д. Н. Ушаков не стал академиком АН СССР. С. И. Ожегов писал: «Изучение русского научного наследия, которое третировалось и попиралось марровцами, теперь входит в число очередных задач советского языкознания. А Д. Н. Ушаков в истории русской филологической науки и в истории русского просвещения занимает почетное место» [Ожегов 2001б: 449].

И все-таки Д. Н. Ушаков – АКАДЕМИК!

7 мая 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил МГУ орденом Ленина. В другом Указе от того же числа также говорилось: «В ознаменование 185-летнего юбилея Московского Государственного

¹ А. П. Баранникова обсуждали еще раз и подробно. Об этом говорят страницы стенограммы [Там же. Лл. 64–70 об.].

² Добавим попутно, что в сессию 1939 года избрали академиками: И. К. Луппола (с 1933 г. – член-корр.; в 1935–1940-х гг. с некоторым перерывом был директором Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР), А. П. Баранникова (в 1938–1940 гг. занимал должность директора Института востоковедения АН СССР), С. П. Обнорского (с 1931 г. – член-корр.).

Членами-корреспондентами, помимо Д. Н. Ушакова, избрали: В. М. Жирмунского, несмотря на аресты 1930-х гг. (с 1966 г. – академик), П. И. Лебедева-Полянского (с 1946 г. – академик; в 1937–1948 гг. – директор Института русской литературы).

По поводу кандидатуры В. М. Жирмунского, например, в стенограмме сохранилось резюме академика А. С. Орлова, охарактеризовавшего своего коллегу «как человека, более отличающегося талантом литературной передачи и широким образованием, чем самостоятельным творчеством» [Там же. Л. 3].

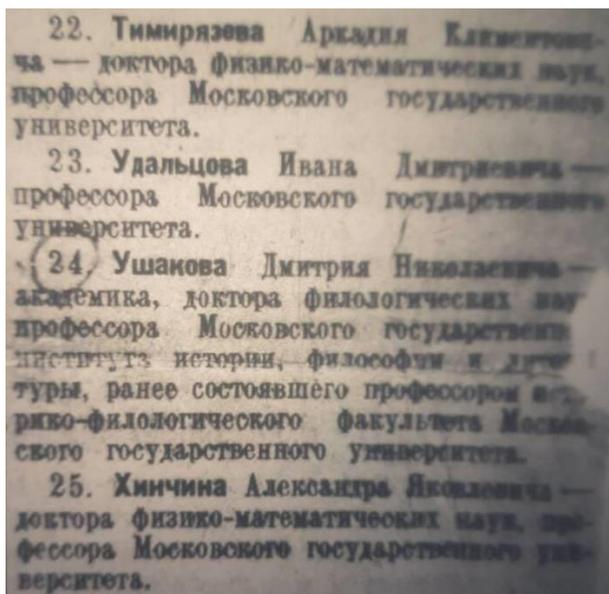
В. Ф. Шишмарев стал академиком в 1946 г. в бытность директором ИМЛИ (с 1924 г. – член-корр.).

Л. В. Щербу избрали академиком в 1943 г. (с 1924 г. – член-корр.). Показательно, что после обсуждения его персоналии в 1939 г. постановили: «Считать, что кандидатура Л. В. Щербы заслуживает внимания, но ввиду ограниченного количества мест, рекомендовать его в случае возможности получения дополнительно места» [Там же].

Н. К. Пиксанов был членом-корреспондентом АН СССР с 1931 г. Академиком так и не стал.

Университета присвоить Университету имя его основателя – М. В. Ломоносова. Третьим указом были награждены работники МГУ, в числе которых орден «Знак Почета» (в перечне лиц под № 24) присвоили Дмитрию Николаевичу Ушакову – **академику**, доктору филологических наук... [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 31. Л. 34]. Это была опечатка, досадная, как обычно говорят, погрешность. Но в отношении Д. Н. Ушакова

она выглядела совсем по-другому. По странному стечению обстоятельств (ведь такие документы при печати в газете «Правда» проверяли очень тщательно) кто-то недосмотрел. И ошибка символическим образом вернула Д. Н. Ушакову заслуженное им по праву русского ученого звание академика. Можно лишь представить, как он и его «ушаковские мальчишки» смеялись и иронизировали по поводу этой ситуации.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников Московского государственного университета орденом «Знак Почета».
 Москва, Кремль. 7 мая 1940 г. (вырезка из газеты «Правда» от 8 мая 1940 г. № 127. С. 2)
 ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 31. Л. 34

Д. Н. Ушаков: post scriptum

Последние годы Д. Н. Ушаков совмещал работу в МИФЛИ, где руководил кафедрой славяно-русского языкознания, с заведованием Сектором славянских языков Института языка и письменности АН СССР. К его заслугам перед наукой стоит отнести тот факт, что ученый фактически сохранил костяк славистов и индоевропеистов в МИФЛИ, ту атмосферу научного творчества и свободы, в которой воспитывали его учителя, а значит – и традиции Московской лингвистической школы. Г. О. Винокур вспоминал: «И в Академию Наук Д. Н. принес те же навыки просветителя, дорожащего наукой, не в отвлеченности от конкретной жизни, а в прямой к ней связи.

В качестве заведующего славянским

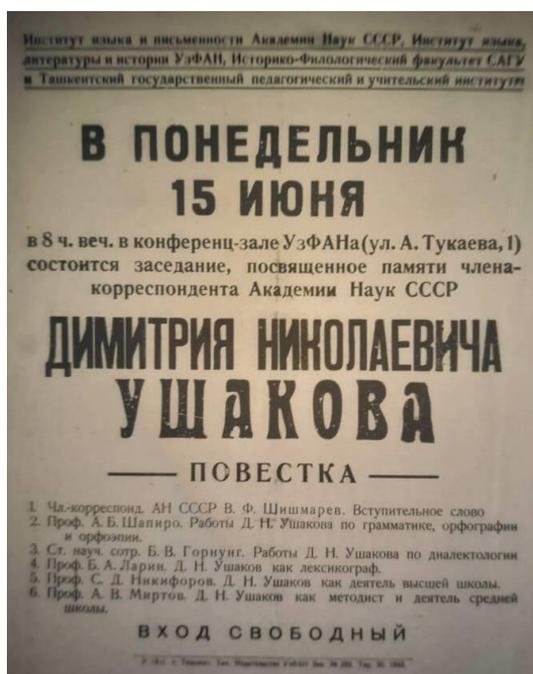
сектором Института языка и письменности Дмитрий Николаевич поставил ряд работ, прямо вытекавших из всего направления его деятельности. Тут и вопросы словарные, и вопросы диалектологии, и вопросы орфоэпии. Так что в Академии Наук Дмитрий Николаевич тот сектор, которым он руководил, превратил в новый плацдарм для своей просветительской работы, для того, чтобы нести свет знания и просвещения в массы» [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 48].

Он мечтал о переиздании своего Словаря. Вместе с Г. О. Винокуром, С. И. Ожеговым, А. Б. Шапиро, С. Г. Бархударовым и др. еще до войны был разработан и новый проект составления «Малого словаря русского языка», готовилась и редактировалась картотека (см. Отчет о работе Сектора

славянских языков Института языка и письменности АН СССР за первое полугодие 1941 г.: [Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. № 169. Л. 40]). Работа над ним продолжалась и позднее (см. «Краткую записку о работе по Малому толковому словарю во II-й половине 1941 и в I-м квартале 1942 г.», подготовленную Д. Н. Ушаковым: [Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. № 177. Лл. 11-11 об.]). В 1941 г. Д. Н. Ушаков и С. И. Ожегов разработали «Типовой словарь для русско-национальных словарей» [Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. № 169. Лл. 4-15]. Но начавшаяся война обрушила многие планы. «Коренной москвич, редко выезжавший из любимого города, Ушаков говорил: “В других городах мне как-то не по себе”. Но ему не было суждено закончить жизнь в Москве... В 1941 году... ученому пришлось эвакуироваться в далекий Ташкент, где его силы быстро иссякли» [Алпатов 2009: 469].

Д. Н. Ушаков умер в Ташкенте 17 апреля 1942 г., куда он уехал с семьей вместе с Институтом языка и письменности АН СССР. Уже через два месяца, 15 июня, его коллеги и ученики почтили память знаменитого филолога заседанием Института языка и

письменности АН СССР, Института языка, литературы и истории УзФАН, Историко-филологического факультета САГУ и Ташкентского государственного педагогического университета. На повестке дня было 5 докладов, которые обозначили основные направления его научной и общественно-педагогической деятельности и в некоторой степени подводили итог Ушаковской школе: грамматика, орфография и орфоэпия, диалектология, лексикография. Выступавшие отметили вклад ученого в становление высшего и среднего образования, в методику преподавания русского языка. Открыл заседание вступительным словом известный филолог-романист член-корреспондент АН СССР В. Ф. Шишмарев (позднее стал академиком). Далее с докладами выступили А. Б. Шапиро, Б. В. Горнунг, Б. А. Ларин, С. Д. Никифоров и А. В. Миртов [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 1]. Все они, может быть, за исключением В. Ф. Шишмарева и С. Д. Никифорова, были членами МДК в разные периоды и хорошо знали Д. Н. Ушакова. К сожалению, эти доклады так и не были опубликованы.

Повестка заседания, посвященного памяти члена-корреспондента АН СССР Д. Н. Ушакова. Ташкент, 15 июня 1942 г. ЦГА Москвы. Ф. Л.-276. Оп. 1. № 35. Л. 1

Заключение: высокая просветительская миссия...

Я жил с ним по соседству, знал его семью, был воспитан на том, что у нас в школьные годы у мальчиков и девочек, у широких кругов не только интеллигенции, но и грамотных людей, были свои имена-символы. Символом был Ушаков. Ушаков – это символ русского языка, это символ грамматики. То есть это был символ настоящей культуры. И мы понимали, как много делал большой ученый, который совершенно сознательно отвлекался от исследовательской работы для того, чтобы по-настоящему отдавать себя просвещению.

С. О. Шмидт [120-летие Дмитрия Николаевича Ушакова... 1997]

В отношении имени Д. Н. Ушакова понятие «академическая школа» звучало бы не совсем точно и полно. Его научно-педагогическое творчество, требовательность к себе как к ученому-просветителю, каким он был по признанию многих учеников (а это наивысшая ступень академического звания), некоторая отстраненность от громких околонуучных процессов и нежелание входить в сонм новой советской элиты, которая с конца 1920-х гг. формировалась по марксистскому признаку (вспомним выборы в АН СССР в 1931 г. и далее), нацеленность на конкретные общественно-полезные разработки, деятельная вовлеченность в судьбы своих учеников, воспитанных им в духе классической академичности, – все это отличало Дмитрия Николаевича от статуса официального академика-руководителя. Некоторые из тех, с кем он учился и работал в молодости, стали академиками, например, А. С. Орлов. Они скорее всего отлично понимали, какой нравственной величины в науке был Д. Н. Ушаков, сколько полезного он мог бы сделать на этом поприще, и оттого побаивались силы его ума, твердости позиции, широты воззрений и возможностей их практической реализации. Им мешала и слава Д. Н. Ушакова, которой наградила по заслугам его подвижническая деятельность, направленная на возрождение филологического образования в стране: от разработок программ и учебников для начальной, средней и высшей школы, борьбы за сохранение шахматовско-фортунатовских основ научной диалектологии, утверждения современных времени орфографиче-

ских, грамматических и стилистических норм литературного языка, создания новой лексикографической базы для составления толковых словарей до консультирования дикторов и редакторов Радиокomiteта – главного носителя правильной для массового слушателя языковой информации. Ср. наше наблюдение: «В области литературного произношения... нормы были разработаны гораздо хуже, чем для орфографии, а к тому же здесь писанные нормы всегда недостаточны, большую роль играет непосредственное звуковое восприятие правильной речи. Ушаков писал руководства и справочники по этим вопросам, а распространение правильной устной речи получило к этому времени мощное средство: радио. С середины 30-х годов Дмитрий Николаевич начал сотрудничать с Радиокomiteтом, сам неоднократно выступал по радио, его ученики участвовали в подготовке дикторов» [Алпатов 2009: 468].

Показательно, что М. Н. Петерсон в очерке «Ф. Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа» посвятил Д. Н. Ушакову (наряду с А. А. Шахматовым, В. К. Поржезинским, В. Н. Щепкиным и М. М. Покровским) отдельный фрагмент, охарактеризовав личность ученого, сохранившего эту Школу, и его научную деятельность в ряду самых ярких и близких Ф. Ф. Фортунатову учеников [Петерсон 2004].

Имя Д. Н. Ушакова уже стало хрестоматийным при жизни. Это и есть настоящее признание. Обликом неподдельного интеллигента, носителя духовных традиций, сторонника и пропагандиста живых практических знаний в области языка и воспитателя нового поколения лингвистов он запомнился его современникам и этой дорогой шел до конца, не сворачивая с нее в коридоры власти, не занимаясь поденщиной, не расталкивая конкурентов и не завидуя более успешным и плодовитым филологам. Он занял свое место в академической иерархии. И оно не определяется книжечкой академика и полагавшимися к ней привилегиями. Один из ближайших учеников Д. Н. Ушакова Г. О. Винокур справедливо замечал: «Особенность личности личности Дмитрия Николаевича в том, что он не насиловал себя и не подгонял себя под определенный шаблон ученого, а свободно проявлял свою творческую личность

в ее своеобразии и всегда того же требовал от других. Действительно, педагог в нем преобладал над ученым, но не в том вульгарном смысле, что ему некогда было заниматься наукой, потому что нужно было давать уроки. Это абсолютно неправильно. Суть дела в том, что для Дмитрия Николаевича наука была неразрывно связана с практикой просвещения. *Он был просветителем в самом глубоком значении этого слова* [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 44].

Д. Н. Ушаков стал камертоном времени – его слушателем, охранителем наследия великой Школы, преемником и продолжателем ее идей и принципов, борцом за ценности подлинной науки – с живой интонацией тонкого филолога, выдающегося организатора, самобытного наследника Ф. Ф. Фортунатова спокойно и упорно вместе с «внуком его по науке» (выражение А. А. Реформатского) М. Н. Петерсоном и соратниками по филологическому ремеслу А. М. Пешковским, М. М. Покровским и другими учеными отстаивал стены порушенной Школы. Она не угасла с их уходом и продолжала созидать в именах и делах Р. И. Аванесова, П. Г. Богатырева, Г. О. Винокура, С. С. Высотского, И. Г. Голанова, С. И. Ожегова, А. А. Реформатского, В. Н. Сидорова, Р. О. Якобсона и новых ярких личностей (например, в более позднее время – М. В. Панова), поднявшихся по ступенькам лингвистической Мельпомены, а с ними – отдаленно – и в наших трудах и состязаниях с безвременьем, связывая одной нитью прошлое и настоящее.

Разбросанность тем и интересов «ушаковских мальчиков», порой контрастировавших как со старой Фортунатовской школой, так и с марровскими идеями – от фонологии, то есть, по сути, раннего структурализма, который не был близок ученым круга Д. Н. Ушакова, до языка художественной литературы, стилистики, лексикографии и позднейших разработок в области синтаксиса и семасиологии, их потрясающая работоспособность и вовлеченность в самые разные проблемы, – была приметой той лингвистической эпохи. О ней очень верно сказал А. А. Реформат-

ский, один из его близких учеников, когда выступал 23 июля 1942 г. на заседании памяти Д. Н. Ушакова: «И несмотря на такую разорванность жизни, несмотря на то, что Дмитрий Николаевич разменивался в быту на мелочи, как ни странно, но **он создал единую лингвистическую школу**. Григорий Осипович говорил, что в этой школе были весьма различные воззрения и разные оттенки, но если понимать эту школу несколько поуже и брать его прямых учеников, то единство школы делается очевиднее, и чем дальше мы живем и работаем, тем больше мы чувствуем себя членами этой школы, которую создал наш общий учитель – Дмитрий Николаевич» [Реформатский 1998: 46–47].

Шумные кампании и дискуссии, неудачи и открытия переплетались в ней с озорством полета мысли, независимостью духа, индивидуальностью почерка, своей философией, и – главное – сопричастностью авторитету знания, чему учили «ушаковских мальчиков» старики. Потому «традиции Московской школы не прерывались при всех ее трансформациях» [Алпатов 2016: 7]. Самым трудным и даже опасным, особенно в 1930-е гг., было удержать эту ценную научную практику в тех обычаях, которые не искажали бы смысла подлинного языкознания, не имеющего границ и шаблонов, и позволяли бы им, как это делали и Ф. Ф. Фортунатов, и А. А. Шахматов, и Ф. Е. Корш, и Д. Н. Ушаков, не без полемики и «перехлестов» находить и воплощать в жизнь *новые* задумки своих учеников – концепции и эксперименты, которые рождались в лингвистических кружках 1910–1920-х гг., в домашних встречах с Д. Н. Ушаковым. Там, в этой атмосфере филологического творчества, формировались и укреплялись те идеалы, которые перерастали в *традицию*. Он жил этой высокой просветительской миссией. Он был ее основанием и духовной связкой эпох. Д. Н. Ушаков, как никто другой в то беспокойное время, понимал важность сохранения преемственности *поколений ученых*, почитающих свои корни. Это и называется научной Школой Дмитрия Николаевича Ушакова.

Источники

АРАН – Архив Российской академии наук (г. Москва).

Архив ИЛИ РАН – Архив Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы (г. Москва).

Литература

Аванесов, Р. И. Из истории Московской фонологической школы (фрагменты беседы) / Р. И. Аванесов // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 1 (9). – С. 214–228.

Алпатов, В. М. История одного мифа : Марр и марризм / В. М. Алпатов. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.

Алпатов, В. Дмитрий Николаевич Ушаков – ученый и человек / В. Алпатов // Арбатский архив : историко-краеведческий альманах. Вып. 2 / гл. редактор С. О. Шмидт. – М. : Наука, 2009. – С. 464–470.

Алпатов, В. М. Предисловие / В. М. Алпатов // Из истории московской лингвистики : сб. статей и материалов / отв. ред. В. М. Алпатов. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 5–8.

Алпатов, В. М. Фортунатовская школа в российском языкознании / В. М. Алпатов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42, № 7. – С. 8–12. – DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532.

Басовская, Е. Н. Из переписки Ф. Е. Корша и Д. Н. Ушакова (1905–1912) / публ. и коммент. Е. Басовской // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 4 (140). – С. 207–218. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12070/?ysclid=lpv9w2ywas355101230.

Бернштейн, С. Б. Дмитрий Николаевич Ушаков (страницы воспоминаний) / С. Б. Бернштейн // Вестник Московского университета. Сер. 10. Филология. – 1973. – № 1. – С. 78–85.

Беседы В. Д. Дувакина с А. А. Реформатским // Из истории московской лингвистики : сб. статей и материалов / отв. ред. В. М. Алпатов. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 11–109.

Карцевский, С. И. Язык, война и революция / С. И. Карцевский. – Берлин : Русское универсальное издательство, 1923. – 72 с.

Касаткин, Л. Л. Московский лингвистический кружок / Л. Л. Касаткин // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 318.

Левинтон, Г. А. ОПОЯЗ / Г. А. Левинтон // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 347–348.

Никитин, О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) / О. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 91–102.

Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в Славянске-на-Кубани, 2012. – 232 с.

Никитин, О. В. Шер мэтр Дмитрий Николаевич Ушаков : от этнографа до лексикографа (заметки к творческой биографии незабвенного мастера) / О. В. Никитин // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 5. – С. 71–81.

Ожегов, С. И. Об ошибках Н. Я. Марра / С. И. Ожегов // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001а. – С. 424–427.

Ожегов, С. И. Памяти Д. Н. Ушакова. 10 лет смерти / С. И. Ожегов // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001б. – С. 448–452.

Ожегов, С. И. 30-летие со дня начала работы над Словарем Д. Н. Ушакова / С. И. Ожегов // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001в. – С. 453–458.

Панов, М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество / М. В. Панов // Д. Н. Ушаков. Русский язык : учебное пособие / вступ. ст., подг. текста, сост. М. В. Панова. – М. : Просвещение ; АО «Учебная литература», 1995. – С. 8–40.

Петерсон, М. Н. Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа / М. Н. Петерсон // Отцы и дети Московской лингвистической школы. – М. : Институт русского языка, 2004. – С. 309–318.

Приемышева, М. Н. Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н. С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии / М. Н. Приемышева, Е. Г. Стукова // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 17. – С. 195–212.

Реформатская, М. На переломе эпох (из записок старых москвичей) / М. Реформатская // Арбатский архив : историко-краеведческий альманах. Вып. 2 / гл. редактор С. О. Шмидт. – М. : Наука, 2009. – С. 684–698.

Реформатская, М. А. Реформатский А. А. Александр Сергеевич Орлов (Публикация и вступление М. А. Реформатской) / М. А. Реформатская // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2015. – № 1. – С. 142–146.

Реформатский, А. А. Введение в языковедение : пособие для учительских институтов / А. А. Реформатский. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947. – 176 с.

Реформатский, А. А. Труды Д. Н. Ушакова по русской орфографии и орфоэпии / А. А. Реформатский // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 33–47.

120-летие Дмитрия Николаевича Ушакова (1873–1942). Стенограмма вечера в Русском лицее 24 января 1993 г. // Арбатский архив : историко-краеведческий альманах. Вып. 1 / гл. редактор С. О. Шмидт. – М. : «Тверская, 13», 1997. – С. 567–583. – URL: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arbatio_2_6.html.

ТСРЯ = Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / под редакцией Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ, 1935–1940.

Ушаков, Д. Н. Наречия русского языка и русские народности / Д. Н. Ушаков // Книга для чтения по русской истории. Т. 1 / под ред. М. В. Довнар-Запольского. – М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1904. – С. 153–176.

Ушаков, Д. Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе / Д. Н. Ушаков. – Изд. второе, доп. – М. : Издатель В. С. Спиридонов, 1917. – 116 с.

Ушаков, Д. Н. Краткое введение в науку о языке / Д. Н. Ушаков. – Изд. девятое. – М. : Работник просвещения, 1929. – 152 с.

Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1 / Ф. Ф. Фортунатов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 450 с.

Фужерон, И. И. История одной жизни. Сергей Иосифович Карцевский / И. И. Фужерон // Русская речь. – 2019. – № 1. – С. 121–128.

Черных, П. Я. I. Современные течения в лингвистике ; II. Русский язык и революция / П. Я. Черных. – Иркутск : [типография издательства «Власть труда»], 1929. – 64 с.

Чернышева, М. И. Новые академические словари и язык СМИ / М. И. Чернышева // Медиалингвистика : материалы VI международной научной конференции. Вып. 9 / отв. редактор А. А. Малышев. – СПб. : ООО «Медиапапир», 2022. – С. 73–76.

Шор, Р. О. Язык и общество / Р. О. Шор. – М. : Работник просвещения, 1926. – 152 с.

Шор, Р. О. На путях к марксистской лингвистике / Р. О. Шор ; с предисловием В. А. Луначарского. – М. ; Л. : Гос. учебно-пед. изд-во, 1931. – 52 с.

Яacobсон, Р. Избранные работы / Р. О. Яacobсон. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.

Sources

ARAN – Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Archive ILI RAN – Archive of the Institute for Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg).

SPbF ARAN – Saint Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg).

TSGA Moskyv – Central State Archive of Moscow (Moscow).

References

Alpatov, V. (2009). Dmitrii Nikolaevich Ushakov – uchenyi i chelovek [Dmitry Nikolaevich Ushakov as a Scientist and Personality]. In Shmidt, S. O. (Ed.). *Arbatskii arkhiv: istoriko-kraevedcheskii almanakh*. Issue 2. Moscow, Nauka, pp. 464–470.

Alpatov, V. M. (2004). *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [The Story of a Myth : Marr and Marrism]. 2nd ed. Moscow, Editorial URSS. 288 p.

Alpatov, V. M. (2016). Predislovie [Introduction]. In *Iz istorii moskovskoi lingvistiki: Sb. statei i materialov*. Moscow, Izdatel'skii tsentr “Azbukovnik”, pp. 5–8.

Alpatov, V. M. (2020). Fortunatovskaya shkola v rossiiskom yazykoznanii [Fortunatov's School of Russian Linguistics]. In *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 42 (7), pp. 8–12. – DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532

Alpatov, V. M. (ed.). (2016). Besedy V. D. Duvakina s A. A. Reformatskim [Conversations between V. D. Duvakin and A. A. Reformatsky]. In *Iz istorii moskovskoi lingvistiki: Sb. statei i materialov*. Moscow, Izdatel'skii tsentr “Azbukovnik”, pp. 11–109.

Avanesov, R. I. (2005). Iz istorii Moskovskoi fonologicheskoi shkoly (fragment besedy) [From the History of Moscow Phonological School (a Fragment of the Conversation)]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1 (9), pp. 214–228.

Basovskaya, E. (2016). Iz perepiski F. E. Korsha i D. N. Ushakova (1905–1912) [From the Correspondence of F. E. Korsh and D. N. Ushakov (1905–1912)]. In *NLO*. No. 4, pp. 207–218.

Bernshtein, S. B. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (stranitsy vospominanii) [Dmitrii Nikolaevich Ushakov (Pages of Memoirs)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya X. Folologiya*, 1, pp. 78–85.

Chernykh, P. Ya. (1929). I. *Sovremennye techeniya v lingvistike* ; II. *Russkii yazyk i revolyutsiya* [I. Modern Trends in Linguistics; II. The Russian Language and Revolution]. Irkutsk, “Vlast' truda”. 64 p.

- Chernysheva, M. I. (2022). Novye akademicheskie slovari i yazyk SMI [New Academic Dictionaries and Media Language]. In Malyshev, A. A. (Ed.). *Medialingvistika: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Issue 9. Saint Petersburg, OOO "Mediapapir", pp. 73–76.
- Fortunatov, F. F. (1956). *Izbrannye trudy* [Selected Writings]. Moscow, Uchpedgiz. 450 p.
- Fuzheron, I. I. (2019). Istoriya odnoi zhizni. Sergei Iosifovich Kartsevskii [The Story of One Life. Sergey Iosifovich Kartsevsky]. In *Russiya rech.* 1, pp. 121–128.
- Jakobson, R. O. (1985). *Izbrannye raboty* [Selected Studies]. Moscow, Progress. 460 p.
- Katsevskii, S. I. (1923). *Yazyk, voina i revolyutsiya* [Language, War and Revolution]. Berlin, Russkoe universalsal'noe izdatel'stvo. 72 p.
- Kasatkin, L. L. (1990). Moskovskii lingvisticheskii kruzhok [Moscow Linguistic Circle]. In Yartseva, V. N. (Ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sov. entsiklopediya, p. 318.
- Levinton, G. A. (1990). OPOYAZ [OPOYAZ]. In Yartseva, V. N. (Ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sov. entsiklopediya, pp. 347–348.
- Nikitin, O. V. (2002). Moskovskaya dialektologicheskaya komissiya v vospominaniyakh D. N. Ushakova, N. N. Durnovo i A. M. Selishcheva (neizvestnye stranitsy iz istorii Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly) [Moscow Dialectological Commission in Reminiscences by D. N. Ushakov, N. N. Durnovo and A. M. Selishchev (Unknown Pages of the History of the Moscow Linguistic School)]. In *Voprosy yazykoznaniya*. 1, pp. 91–102.
- Nikitin, O. V. (2012). Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya [Essays on the History of Russian Lexicography of the First Half of the XX Century (Explanatory Dictionaries): a Monograph]. Slavyansk-na-Kubani, KubGU Branch of Slavyansk-na-Kubani Press. 232 p.
- Nikitin, O. V. (2023). Sher maître Dmitrii Nikolaevich Ushakov : ot etnografa do leksikografa (zametki k tvorcheskoi biografii nezabvennogo мастера) [Cher maître Dmitry Nikolaevich Ushakov : from Ethnographer to Lexicographer (Notes to the Creative Biography of the Unforgettable Master)]. In *Russian Language Abroad*. 5, pp. 71–81.
- Ozhegov, S. I. (2001a). Ob oshibkakh N. Ya. Marra [About N. Ya. Marr's Mistakes]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik Publ., pp. 424–427.
- Ozhegov, S. I. (2001b). Pamyati D. N. Ushakova : 10 let so dnya smerti [In Memory of D. N. Ushakov : 10 Years Since Death]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik Publ., pp. 448–452.
- Ozhegov, S. I. (2001v). 30-letie so dnya nachala raboty nad Slovaryom D. N. Ushakova [The 30th Anniversary of the Beginning of Work on D. N. Ushakov's Dictionary]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik Publ., pp. 453–458.
- Panov, M. V. (1995). Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorchestvo [Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and Work]. In *D. N. Ushakov. Russkii yazyk: uchebnoe posobie*. Moscow, Prosveshchenie ; AO "Uchebnaya literatura", pp. 8–40.
- Peterson, M. N. (2004). F. F. Fortunatov i Moskovskaya lingvisticheskaya shkola [F. F. Fortunatov and the Moscow Linguistic School]. In *Otsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly*. Moscow, Institut russkogo yazyka, pp. 309–318.
- Priemysheva, M. N. (2020). Akademicheskii "Slovar' russkogo yazyka" pod redaktsiei akademika N. S. Derzhavina (1929-1937) v istorii russkoi tolkovoi leksikografii [The Academic "Dictionary of the Russian Language" (1929–1937) Edited by N. S. Derzhavin in the History of Russian Explanatory Lexicography]. In *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 17, pp. 195–212.
- Reformatskaya, M. (2009). Na perelome epokh (iz zapisok starykh moskvichei) [At the Turn of the Epochs (from the Notes of Old Muscovites)]. In Shmidt, S. O. (Ed.). *Arbatskii arkhiv: istoriko-kraevedcheskii almanakh*. Issue 2. Moscow, Nauka, pp. 684–698.
- Reformatskaya, M. A. (2015). Reformatskii, A. Aleksandr Sergeevitch Orlov (Preface and Preparation by Mariya Reformatskaya). In *RSUH / RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", Series. 1*, pp. 142–146.
- Reformatskii, A. A. (1947). *Vvedenie v yazykoznanie: posobie dlya uchitel'skikh institutov* [Introduction to Linguistics : A Handbook for Teachers' Institutes]. Moscow, Gos. uchebno-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR. 176 p.
- Reformatskii, A. A. (1998). Trudy D. N. Ushakova po russkoi orfografii i orfoepii [D. N. Ushakov's Works on Russian Orthography and Orthoepy]. In *Russkaya rech.* 1, pp. 33–47.
- Shmidt, S. O. (Ed.). (1997). 120-letie Dmitriya Nikolaevicha Ushakova (1873–1942). *Stenogramma vechera v Russkom litsee* [24 yanvarya 1993 g.] [120th Anniversary of Dmitry Nikolaevich Ushakov (1873–1942). Record of the Evening at the Russian Lyceum, January 24, 1993]. Issue 1. Moscow, "Tverskaya, 13", pp. 567–558. – URL: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arbati0_2_6.html.
- Shor, R. O. (1926). *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Moscow, "Rabotnik prosveshcheniya". 152 p.
- Shor, R. O. (1931). *Na putyakh k marksistskoi lingvistike* [On the Way to Marxist Linguistics]. Moscow, Leningrad, Gos. uchebno-ped. izd-vo. 52 p.

TSRYA = Ushakov, D. N. (ed.). (1935-1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1-4. Moscow, Gos. in-t “Sovetskaya entsiklopediya” ; OGIZ.

Ushakov, D. N. (1904). Narechiya russkogo yazyka i russkie narodnosti [Russian Dialects and Russian Nationalities]. In *Kniga dlya chteniya po russkoi istorii*. V. 1. Moscow, I. D. Sytin Press, pp. 153–176.

Ushakov, D. N. (1917). *Russkoe pravopisanie. Ocherk ego proiskhozhdeniya, otnosheniya ego k yazyku i voprosa o ego reforme* [Russian Orthography. An Essay on Its Origin, Its Relation to the Language and the Problems of Its Reform]. 2nd ed. Moscow, V. S. Spiridonov Publ. 116 p.

Ushakov, D. N. (1929). *Kratkoe vvedenie v nauku o yazyke* [A Brief Introduction to the Science of Language]. 9th ed. Moscow, “Rabotnik prosveshcheniya”. 152 p.

Данные об авторах

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующий Сектором Китая и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН (Москва, Россия).

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1.

E-mail: v-alpatov@iling-ran.ru.

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия); Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Дата поступления: 18.12.2023; дата публикации: 30.12.2023

Authors' information

Alpatov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Philology, Professor, Academician of RAS, Head of Department Chine and Languages of East and Southeast Asia, Institute of Linguistics of RAS (Moscow, Russia).

Nikitin Oleg Viktorovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia); State University of Education (Moscow, Russia).

Date of receipt: 18.12.2023; date of publication: 30.12.2023